

Слоноу не прикажешь

Илья Шпиз

Узнав, что ведущий телепрограммы «Путешествия натуралиста» Павел ЛЮБИМЦЕВ отказался от предложения вести церемонию «Тэффи», ему позвонил ночью президент Российской телеакадемии Владимир Познер: «Вы должны, это наше общее дело». Любимцев снова объяснял, почему не может. Во-первых, не умеет, во-вторых, почти весь день занят, у него концерт. «Какой еще концерт? Где?» — «В школе», — ответил натуралист. Он поспел к торжественному моменту, когда «Путешествиям» вручали премию «Тэффи» за лучшую научно-популярную передачу.

Любимцев — заслуженный артист России, специальность — чтец, место службы — филармония, кроме того, доцент Щукинского училища. К животным имеет то же отношение, что все мы, — живет с ними на одной планете. Считает, что каждому нормальному человеку следовало бы стать хоть немного натуралистом, научившись любить и уважать всякое божье творение. Создатели программы решили, что внедрить эту мысль в сознание телезрителей актеру-педагогу удастся лучше, чем зоологу.

— Павел Евгеньевич, передаче уже два с половиной года. Удается ли избежать однообразия? Ведь лев везде лев, жираф везде жираф.

— Вы ошибаетесь. И жирафы разные, и история у них в каждой жирафьей стране своя. Для китайцев он — божественный прародитель всех животных Ки-лин, а также — образ идеального правителя: при высочайшем росте кроток и неприхотлив. Для древних египтян — бог-злойей Сет, убивший своего брата Озириса. Почему — ведь жираф такое покладистое существо? Оказывается, эту должность надо было занять чужим животным. Одержав победу над эфиопами, египтяне потребовали от них тысячу невольников и одного жирафа. Тут, по-моему, вполне органичен разговор про египетскую мифологию и храмы Луксора.

— Последняя передача из Зальцбурга начинается... с Моцарта. Вам не хватает звериных сюжетов?

— Опыт подсказал расширить угол зрения. Это же путешествие! Турист, даже искренне симпатизирующий зверью, видит не только их. Та же Африка, удивляющая европейца прежде всего природой, становится еще необычнее в соединении с танцами и легендами зулусов.

— Вас не ругают за отклонения от главного предмета?

— Обязательно. Одна критикесса обвинила в повторении общеизвестного: кто, мол, не знает, что картофель привез в Европу из Америки Колумб! Много ли этих «кто»? Кстати, мы выложили на стол, кроме картошки сладкий перец, помидоры, арахис, какао, табак... В испанской передаче я разрешил себе пассаж

про Колумба в духе Зошенко. Колумб до того осточертел августейшей чете просьбами, что король Фердинанд сказал королеве Изабелле: «Опять пришел этот сумасшедший! Дай ему денег, пусть уплывает в тартарары, он же не догадывается, что Земля плоская».

— Продуктивно ли приглашение в подобные программы человека со стороны, неспециалиста?

— Если артист не отличает сокола от шапли — безусловно. Однако я самонадеянно считаю себя не посторонним. Я не согласился бы вести передачу, скажем, о музыке, хотя вырос в семье музыкантов. А животные — это мое. С детства читал без конца, не вылезал из зоопарка, готовился в биолог. Словом, я — в материале. Чтобы сделать его общедоступным, некоторый дилетантизм даже полезен — свежесте первого взгляда, простодушное удивление. Озеров тоже был актером, но еще и известным теннисистом. Нет, особого имиджа я себе не создавал. Как говорит мой пронизательный друг, «это — та часть вас, которая нравится вам самому и вашей аудитории».

— Как вы готовитесь к путешествиям?

— В общем и целом, и в дорогу — неподъемная сумка с книгами. Заранее прикидываю, что, кого хочу увидеть, но наперед почти никогда не знаюшь, представится ли возможность. Зато обязательно появится непредвиденное, и придется импровизировать, исходя из предложенных зверьми обстоятельств. Невозможно задолго планировать даже географию, страну. Знаете, есть такая морская команда «все вдруг!». Это про нас. Ездим-то

мы по бартеру, везет какая-нибудь турфирма, министерство туризма.

— И сколько уже государств в вашей копилке?

— Около тридцати, причем самых несоединимых. Таиланд и Швеция, Хорватия и Шри-Ланка, Грузия и Швейцария. Поездили и по России — Соловки, Тамань, Петербург. Из каждой поездки — несколько передач.

— Знакомые завидуют...

— Те, которые не представляют себе, как мы проводим эти полторы-две недели. В Амстердаме я не видел ни Ван Гога, ни Рембрандта. Но, конечно, и без того безумно интересно, все по Гоголю: «Видеть мир, коловращение людей — уже живая книга, вторая наука».

— Вам повезло с оператором?

— Безусловно. Илья Шпиз — очень квалифицированный, увлеченный человек. Бесперывно занят поисками атмосферы, колорита, в шесть утра бежит снимать рассветы. Животных обожают больших и ярких — слон, фламинго. Но если по картинке ему, почему животное мне необходимо: «Нет, снимать за решеткой не буду!» А птица всегда за мелкой сеткой. А анаконда неподвижна. Но я ценю его зануство, расслабляться нельзя, иначе что-то упустим. Слоноу не прикажешь. Впрочем, Илья может сказать: «Сдвиньте его налево метров на десять».

— Страшно бывало?

— Думаешь, коль пустили в клетку — неопасно. Вот в национальных парках иной раз и поежишься. В ЮАР машины открытые, а вдоль дороги лежат львы. Велено на их землю ни ногой, из машины не выходить, в случае чего — не бежать. Значит, случаи бывают. На Цейлоне угодили внутри стада слонов, они позатолкали детей внутрь, стали кругом, затрубили... В Финляндии рысь у меня на плечах сидела, я пошатнулся, она — только чтобы удержаться — зацепилась за мою шеку. А на этой фотографии — гориллка Муни, ей год, малышка. Вторая наша встреча, мы познакомились в Барселоне, в обезьяньих яслях, где Муни еще ходила в памперсах.

— Кто ваши зрители?

— Самые верные — пожилые люди и дети. Тут мне рассказали даже про полуторагодовалую девочку, которая «под вас хорошо ест».

Элла МАКСИМОВА